
«ПОСТСУВЕРЕНИЗАЦИЯ» КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ В АСПЕКТЕ ФИЛОСОФИИ ПРАВА И ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

Маргарита Силантьева*

В статье представлен анализ характерного для нескольких последних десятилетий феномена, условно названного автором «постсуверенизация». Речь идет о своеобразном «перереформатировании» социальных субстратов в соответствии с новейшими смысловыми и деятельностными основаниями и о связанных с этим феноменом геополитических перераспределениях. При этом в качестве одной из сфер, подвергающихся значительным изменениям на фоне тектонических социальных сдвигов, выступает право. Вместе с тем, радикальным трансформациям подвергаются также и системы управления, структурно связанные с обновлением и дрейфом «культурных форм», описание которых позволяет по-новому взглянуть на происходящие социальные процессы.

Теория социального управления, как и философия права, уже довольно давно интересуются феноменом, получившим в данной статье условное название «постсуверенизация». Так, еще начиная с середины 1960-ых гг. в трудах классиков философии, социологии и социальной теории – П. Бурдьё, Э. Гидденса, М. Маклюэна, Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы, Ю. Хабермаса и др. ставился вопрос о радикальных трансформациях, которым подвергались существующие социальные системы, в том числе – и по признаку обновления моделей социального управления и изменения правовых стандартов, данным моделям соответствующих.

Особенно пристальное внимание привлекал феномен, со временем получивший название «неофеодализм», – «перестроение» социальных систем по лекалам неоархаического толка, возрождающее клановые способы организации властных отношений и поддерживающие эти способы нормативные стандарты. С учетом уже выявленных особенностей неофеодализма, уместно ставить вопрос не только об изменении правосознания и собственно права, но также о

коренных «сдвигах» в морали (и в целом – в ценностных базах, бытующих в современных социальных сообществах).

Подобное нормативное смещение – одно из самых ярких проявлений обновленных культурных форм, – высвечивающихся и в других сферах общественной жизни, от искусства до экономики, политики, религии и сферы досуга [6, 5], типов организации существования «вещей» (процессов и явлений) с точки зрения их сущности, неотделимой от существования во времени и «во плоти». Подход, основанный на привлечении теории культурных форм (причем переосмысленных скорее в свете аристотелизма, нежели «классического» тезиса Э. Кассирера о «символических формах»), представлен исследованиями в области культур-философии и теории культуры, вносящими свою лепту в изучение процессов, касающихся общественного целого. Следует уточнить, что некоторая «схоластичность» описанного подхода с лихвой компенсируется теми плюсами, которые позволяют рассматривать изоморфизм проявлений различных типов орга-

* Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России

низации материальных систем на уровне их структур, не подверженных предварительной «препарации», разрушающей целое и лишаящей возможности судить о развитии процесса или явления до такого разрушения. Политика, экономика, искусство, различные формы социальности и повседневности раскрываются при этом не просто как некие сферы (или сегменты) социокультурной действительности, но предстают в историческом единстве, специфицированном теми способами раскрытия человеческого бытия, которые соответствуют конкретному периоду жизни конкретных социальных сообществ.

Обращение к рассмотрению общественных процессов, связанных со смыслогенезом, сквозь призму культурных форм, разумеется, не новость. В наши дни одним из крупнейших отечественных философов и культурологов, развивающих данный подход, является А.Л. Доброхотов. Причем, если в области философии культуры и философской антропологии, философии права, религиоведения, искусствоведения, психологии, экономики и социальной теории он имеет своих ярких последователей (таких, например, как А.А. Пилипенко, А.Е. Наговицын, В.И. Шамшурин, В.Н. Расторгуев, М.И. Свищерская, А.Г. Чадаева, В.М. Хачатурян и др.), то для теории социального управления и политических наук данный подход все еще остается если не *terra incognita*, то, по крайней мере, областью осторожных высказываний и сдержанных оценок.

Последнее не удивительно. Связь культуры и социальности, исследуемая с помощью культурологической призмы, требует настолько «расширительного» использования базовых терминов культурологии и социологии, что исследователь невольно оказывается в плену у призрака нерелевантного терминологического аппарата. Однако наряду с этим досадным эффектом «культурологизации» проблем социальной теории неожиданно просматривается значительный эвристический эффект применения данной методологии, подкрепленный определенными прогностическими успехами в уяснении ведущих тенденций происходящего и возможных «точек бифуркации» в развитии конкретных социальных сценариев.

Итак, отказываться от предложенного подхода лишь потому, что «за ним не стоит» разработанная теория («вкладывающая», по желанию исследователя, в комплексный

культур-философский формат множественные призмы социально-гуманитарных наук [1]), было бы, полагаю, опрометчиво. В том числе в силу того обстоятельства, что де-факто данный подход успешно «работает», в частности, при исследовании межкультурной коммуникации на уровне прикладных выводов, не сводимых ни к теории, ни к простому объединению данных регионоведения, истории, социологии, психологии и т.д. Необходимый в данном случае синтез предполагает качественную аналитику, выполненную на основе «бодрой» готовности считаться с фактами больше, чем с некими воображаемыми схемами, в которые они должны укладываться согласно логике, - но в которые укладываться «не хотят».

Обращение к изучению культурных форм «во плоти» их присутствия в современной общественной жизни (в частности, в качестве «микса» традиционных и инновационных процессов, называемых в данном конкретном случае «неоархаикой») позволяет, как уже отмечалось, решать практические коммуникативные задачи и формулировать позитивные сценарии ближайшего и среднесрочного будущего.

Одной из форм организации современного политического пространства, как известно, становятся геополитические объединения государств (назовем последние для выявления специфичности предложенного подхода «социальными организмами»), - представленные, в частности, Европейским Союзом. К организациям подобного типа тяготеют пока значительно менее «проработанные» объединения типа СНГ, АТЭС, БРИКС и т.д. Помимо перечисленных сложившихся объединений определенную перспективу имеют геополитические проекты «Великой Албании», «неоосманизм» (культурное, а затем политическое объединение всех тюркоговорящих народов под эгидой турецкого государства), расширение «на Север» (и запад) Китайского государства; арабо-мусульманское движение салафитского типа, за лидерство в организации которого конкурируют сегодня несколько государств (включая предыдущее политическое руководство Египта) и др., - вполне солидный список даже для «большого» евразийско-североафриканского пространства...

На «метафизический аспект» вырождения современных европейских государств в «государства-корпорации» со всемогущим административным аппаратом, лишенной ответственности за вверенное ее попечением население

и не дотягивающих до «над»суверенитета имперского типа при «уменьшении» суверенитетов каждого из членов ЕС (их суверенитет «теряется где-то по дороге») обращает внимание такой известный в России аналитик процесса десуверенизации, как М.В. Ремизов [3].

Интересно, однако, что, по крайней мере на уровне политической риторики, во всех случаях формирующиеся геополитические союзы, как и уже сформировавшиеся, не отказываются от государственности как таковой. Констатируемая тенденция «десуверенизации» предполагает скорее *изменение рамок* государственного целого. В случае создания «крупного» парагосударственного образования эти рамки, очевидно, расширяются; в случае более «мелких» государственных единиц, «поглощенных» новыми союзами или находящимися в их «зоне интересов» (особенно по периметру границ), отчетливо просматривается тенденция к деструкции сложившихся систем (в том числе, в плане их территориальной целостности и государственного суверенитета). В рамках ЕС «расширенное» существование «сверх-государства» подкреплено созданием единых бюрократических структур (таких, как недавно заявившая о себе «общая» служба безопасности ЕС и т.д.), выступающих с «надгосударственных» позиций от лица ЕС в целом. В то же время, «дробление» политического пространства Балкан демонстрирует явление второго, деструктивного типа. Однако и в этом случае «дробление» приводит к возникновению новых государств, а не к отказу от государственности как таковой. Даже такие признаки, как прозрачность границ; идеологическая зависимость от мифов, навязываемых разного рода «глобализаторами» и т.д. не являются при этом однозначными показателями «десуверенизации», ибо десуверенизация, как известно, - это разложение «власти суверена» в качестве «способного отвечать за себя» (и, как следствие, способного отвечать «за народ» на вверенной ему территории [3]). Вместе с тем, отказа от власти (или неспособности ее удержать) не наблюдается. Скорее, «множится» ее носитель - суверен; в конкурентной борьбе за полноту власти сталкиваются интересы финансово-политических и социальных групп, спаянных, помимо прочего, кровнородственными связями (по типу кланов) и ценностями сверхпотребительского уровня (тип религиозности, преданность «вождю», принадлежность к «чистой расе» и т.д.).

Множественность, свойственная современной культуре, таким образом, проявляет себя в деятельностной сфере социальной действительности не менее заметным образом, чем в сфере «технэ» и «поэсиса»: *полицентризм и плюрализм*, - культурные формы, характерные для постмодерна в искусстве, - отчетливо просматриваются в политике, управлении и праве.

При этом наблюдается «давление» новых типов социальной организации на такие традиционные для государственных форм существования социальных организмов сферы, как *право и мораль* [4]. В то же время, как об этом уже неоднократно писали, мораль и право испытывают взаимное давление, усиливая «врастание» друг в друга норм *разной* этиологии. Так, ювенальная юстиция позволяет государству (через правовые механизмы) широко вторгаться в область детско-родительских отношений, прежде остававшихся прерогативой преимущественно нравственной регуляции. «Мягкая» форма моральных санкций уступает здесь «жесткой» форме санкций правовых, вплоть до изъятия детей из семьи и помещения в приемные семьи либо в специализированные государственные инстанции, созданные специально для таких случаев. Широко трактуемое «насилие» со стороны родителей однозначно запрещает в большинстве стран Европы, как известно, телесные наказания. Однако «под подозрением» оказывается и насилие «психологическое». В том числе и такое, без которого процесс воспитания больше уподобляется произрастанию травы в чистом поле, нежели «окультуренному» (т.е. насильственному!) приобщению человека к «порядку» и «границам» - основам социализации, без которых невозможно говорить ни о какой нормативности вообще.

С другой стороны, мораль оказывает влияние на право, расширяя (в том же ЕС) область разрешенного за счет «урезания» ранее запрещенного. К таким феноменам, многократно «склоняемым» исследователями, относятся разрешение эвтаназии, однополых браков; шариатских браков (де-факто признаваемых, например, британским законодательством, правда, в случае заключения таких браков вне территории Соединенного Королевства [2]).

Десуверенизация, а точнее - постсуверенизация, таким образом, проявляет себя на уровне аксиологических мутаций, проецируемых на специфику организации управления в рамках его *нормативных об-*

разцов (законов) и *реальной практики*, пере-страивающей - в соответствии с своими потребностями - нормы. Подобный «обратный эффект» в свое время был удивительно точно подмечен специалистами в области религиоведения и церковного права, когда представителя ряда протестантских конфессий (прежде всего, англиканства) заговорили о необходимости «соответствовать запросам меняющегося общества», а не пытаться навязывать ему «отжившие нормы» (в частности, подобные дискуссии велись в связи с вопросом о женском священстве; в настоящее время они перекинулись на область признания однополых браков среди священства, оформленных в соответствии с церковными канонами...).

По существу, «ценностный сдвиг» в данном случае является производным от феномена, получившего на языке философии постмодернизма название «конца эпохи метанарраций» - такого изменения социокультурной действительности, при котором больше не требуется «вписывать» действие в осмысленный контекст, представленный многоуровневой системой норм (таких, как нормы общественного мнения, морали и права). Достаточно «лишь» предъявить *формальное* соответствие имеющимся минимальным нормативным стандартам, представленным в образе «правового государства». Так что же, «правовое государство» - переходная форма к «постгосударственному» будущему?

Думается, что подобный вывод не является на сегодня ни безусловным, ни даже статистически оправданным. Дело в том, что феномен десуверенизации связан не только с рядом фактов социальной действительности, но и со способами их интерпретации. А подобная интерпретация, в свою очередь, опирается на принятие тех или иных норм, регулирующих ценности познавательного характера.

Метанарратив - «большой миф», в который «вписано» познание доиндустриальной и индустриальной эпохи, - это «миф» о существовании Истины как бесконечного совершенного бытия, «нескрытого», выявляемого усилием сознания человека через «вглядывание» («умозрение»), «вслушивание» в сами вещи. Напомним, что философия - специфическая форма «добычи» знания - с момента своего рождения получает своеобразную легитимацию от мифологии, - подобно тому, как юный Парменид, герой собственной поэмы «О природе», совершенно в постмодернистском духе вдохно-

венно рассказывающий собственную историю, внимает рассказу о «пути Истины» из уст богини Дикэ (на этот парадокс, как правило, обращают внимание, все учебники по истории философии; однако не все они берутся этот парадокс разъяснить). Впрочем, если последовать этой логике, становится понятно, почему некоторые постмодернисты (тот же У. Эко) ведут отсчет эпохи постмодерна со времен Гомера: Одиссей тоже рассказывает свою историю от собственного лица, одновременно выступая и непосредственным «героем», и рефлексивно судящим его «хором»... Таким образом «метанарратив» Истины как всеобщей ценности тождественно-единого бытия «перекрывается» «малым нарративом» поэтического слова.

Но разве не то же самое делает У. Джойс в «Улиссе»; не о том же мечтает Б. Пастернак в своих дневниках, - когда ведут речь об «идеальном читателе», способном «дыхание в дыхание» прожить жизнь художника (писателя, поэта) вместе с ним, идеально сопереживая каждому движению поэтической души, проходя по тем же улицам; думая и чувствуя «одно» с автором-героем?... Удивительное сходство предложенных интеллектуально-эмоциональных усилий читателя с участием в религиозной жизни верующего человека (следом за Христом, Дионисом, Буддой или Индрой переживающим ключевые события их жизни в качестве символической жертвы, приобщающей к сакральным ценностям смысла) лишь подтверждает высказанное выше предположение, согласно которому метанарратив связывает человека с Истиной. Однако осуществление подобной связи возможно лишь через *персону*, - другого, продвинувшегося по пути истины «дарами» самой этой Истины и способного дать отчет об этом своем пути.

Постиндустриальная эпоха под видом мифа о «конце эпохи метанарраций» предлагает иной метанарратив - миф о «смерти Истины», объявляющий Истину «несуществующей». В этом случае «малые нарративы» как бы «пустеют», превращаясь в «навязывание своей игры» всеми игроками пространства современной культуры друг другу. Всеобщая симуляция и имитация, проще говоря - обман, становятся новой гносеологической нормой, вокруг которой конденсируются новые культурные формы, проявляющие себя в разных плоскостях существования культуры - от политики (где стремление получить власть камуфлирует

себя симуляцией ее разложения) - до образования (где «весомость» научной идее предлагается измерять толщиной корешка изданных монографий)...

Вопрос, пожалуй, заключается не в том, насколько жизнеспособны эти своеобразные социокультурные фурии - «пустые» культурные формы, явно присутствующие в среде обитания современного человечества. Вопрос в том, насколько их массовое распространение «закрывает» возможность выявления (да и самого существования) форм непустых. Сохранились ли они в современной постиндустриальной культуре? Или нынешние поколения должны довольствоваться лишь воспоминанием о былом величии бытия, развеянного войском вооруженных до зубов симулякров?

Полагаю, что политика, как и социальная теория, в данном случае едва ли не идеальное место, где удобнее всего проследить перипетии описанного сюжета, развивающегося на наших глазах. С точки зрения «постмодернистского метанарратива» о «конце эпохи метанарраций» проблема десуверенизации приобретает совсем иное прочтение. А именно, если десуверенизацию рассматривать как «постсуверенизацию», можно сделать вывод не о разложении государства, а о его перерождении, «новом формате». В противоположность десуверенизации, «пост-»суверенизация - этой не «отказ» от практики выстраивания государственности по лекалам независимости, проведения самостоятельной политики и т.д. Это также не отказ от преимуществ такой организационной формы существования социальных организмов, как государство; не размывание их государственного «способа быть» в некую «постгосударственность». Напротив, «постсуверенизация» предполагает обновление именно *государств* в рамках перераспределения «ядер» управленческих структур на локальном, региональном и геополитическом уровне в соответствии с *новыми стандартами*. Причем стандарты эти не сводимы к «классическому» набору «пяти признаков государства»; не исчерпывается данная проблема и путем апелляции к большему количеству внятно артикулируемых признаков, - например таких, как принадлежность к общей исторической судьбе проживающих на данной территории народов, единому идеолого-аксиологическому пространству или наличию политической воли к сохранению и «поддержанию на плаву» существующего государственного образования. Последнее

требование, кстати, заметно ослабевает при разложении «старых» геополитических союзов: время, по крайней мере поначалу, демонстрирует крайне низкий уровень социальности (прежде всего, в плане «горизонтальной» солидарности) в границах бывших геополитических структур, ушедших с международной арены с гибелью империй и «пост-империй».

Подводя итог, можно сделать ряд рабочих предположений о специфике постсуверенизации в сфере права и управления. В процессе применения методологии философии культуры обнаруживается:

1. Имитационный характер значительного блока осуществления непосредственных функций тех или иных механизмов социальной организации. Это значит, что определенная часть властных действий оказывается имплицитно вовлечена в «проект» симуляции, реализуя а) либо «легальное» действие, представляющее собой «прикрытие» для нелегальных (включая не только кантовское, но и юридическое значение термина) действий - например, организацию получения материальной прибыли для коррупционеров под видом проведения тендера (достаточно вспомнить громкие коррупционные скандалы, время от времени вспыхивающие в различных регионах мира); б) либо «легальное» действие, прикрывающее бездействие как уклонение от исполнения своих прямых обязанностей - например, имитация руководителем подразделения «среднего уровня» (перед лицом начальства) бурной активности по подготовке документации, которую на деле готовят его собственные подчиненные (без стремления не только вникнуть в нюансы, но даже ознакомиться с результатами проделанной работы). Примечательно, что подобные способы управления в российской культуре повседневности все чаще получают соответствие со значением слова «эффективный менеджмент» (то есть буквально: такая организация, от которой дело «не двигается с места»).

Право также оказывается подвержено эрозии практик симулятивных имитаций. Так, присутствием ювенальной юстиции иногда «прикрывают» стремление организованной преступности получить доступ к «торговле детьми»; а ораторскими приемами, ссылающимися на «власть закона», - криминальные намерения и действия (нередко - уголовного характера).

Важно, что имитация в данном случае *выходит далеко за рамки «обычного» обмана:*

собственно к тенденциям постсуверенизации относится не сам обман, а критическое увеличение его удельного веса в культуре.

2. Постсуверенизация демонстрирует не ослабление, а усиление позиций государства в сфере социального контроля: «плюральный сверен» - плюралистический субъект государственной власти в лице национальной и транснациональной бюрократии претендуют на легитимацию своего права вторгаться во все более интимные сферы жизни граждан, принудительно регулируя ее проявления (неважно - в «разрешительную» или «запретительную» сторону). При этом государство «теряет интерес» к субсидированию непосредственного производства и оборота; его волнуют по преимуществу проблемы сбора налогов и обеспечения безопасности. Наблюдается (хотя и не всюду) рост числа чиновников, осуществляющих бюрократические функции; повсеместно возрастает престиж профессии государственного служащего. Стремление занять государственную должность коррелирует со стремлением к

материальному благополучию и комфорту; психологические образы «служения людям» все чаще уходят на задний план, в тень иронического отношения к романтическому настрою. Реализм же предполагает, в самом благоприятном случае, ритмичное функционирование в рамках отлаженного управленческого механизма с целью достижения позитивного результата управленческой деятельности. Косвенно все это также свидетельствует об усилении позиций государства как социально-организующей силы.

Итак, культурные формы, осуществленные в современной социально-управленческой и правовой деятельности, представляют собой модернизированные аксиолого-смысловые структуры, выполняющие (по сравнению с недавним прошлым) специфические функции. Применение категории «постсуверенизации» позволяет при этом реализовать исследовательский подход, выявляющий ряд скрытых тенденций в жизни современного общества.

Литература:

1. Алексеева Т.А. Химеры страны Оз: «культурный поворот» в теории международных отношений // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. - Теория в условиях неопределенности. Т. 10. № 3 (30-31). Сентябрь-декабрь 2012 // <http://www.intertrends.ru/thirtieth/Alekseeva.pdf>.
2. Пинюгина Е.В. Мусульманское меньшинство как вызов современному европейскому государству (обзор актуальных исследований) // Политическая наука: сб. научных трудов / Редколлегия: Е.Ю. Мелешкина и др. М., 2010. № 1. С. 192-201.
3. Ремизов М.В. Коррупция суверенитета // Новые хроники // <http://novchronic.ru/1561.htm>.
4. Силантьева М.В. Диффузная идентичность – современная версия гражданской идентичности // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2. С. 173-179.
5. Силантьева М.В. Неорархаика в зеркале современной культуры: религиозный синкретизм как проявление единства чувственного и рационального познания // Точки PUNCTA. 2012. Т. 11 № 1-4. С. 371-380.
6. Хачатурян В.М. Человек в пространстве неорархаики // Человек. 2011. № 2. С. 83-96.

«POSTSOVEREIGNIZATION» AS A CULTURAL PHENOMENON IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF LAW AND THE SOCIAL MANAGEMENT THEORY

The article analyzes the phenomenon characteristic of recent decades called for convenience by the author "postsovereignization". The matter concerns a peculiar "reformatting" of social substrata in accordance with the latest semantic and activity bases; it also concerns the geopolitical redistributions connected with this phenomenon. In this process law appears as one of the fields that are subjected to considerable changes against the background

of tectonic social shifts. At the same time the management systems (that are structurally connected with the renewal and drift of "cultural forms" description of which allows us to look at existent social processes in a new fashion) are undergoing radical transformations.

Margarita Silantieva
Doctor of Science (Philosophy), Professor,
Department of philosophy
MGIMO-University under the MFA of Russia

Ключевые слова:

«постсуверенизация», теория социального управления, философия права, философия культуры, «культурные формы», постмодерн

Keywords:

«postsovereignization» social control theory, philosophy of law, philosophy of culture, «cultural forms», postmodern

References:

1. Alekseeva T.A. Khimeri strani Oz: «kulturnij povorot» v teorii mezhdunarodnih otnoshenij [Chimera Oz «cultural turn» in international relations theory] // Mezhdunarodnije protsessi. Zhurnal teorii mezhdunarodnih otnoshenij i mirovoi politiki [International Processes. Journal of International Relations and World Politics]. – Teorija v uslovijah neopredelennosti [Theory under Uncertainty]. Т. 10. №3 (30-31). September-Desember 2012 // <http://www.intertrends.ru/thirtieth/Alekseeva.pdf>.
2. Pinugina E.V. Musulmanskoje menshinstvo kak vizov sovremennomu evropeiskomu gosudarstvu (obzor aktualnikh issledovanij) [Muslim Minority as a Challenge to the Modern European States (an Overview of Current Research)] // Politicheskaja nauka: sb.nauch.tr. / Redkol.: E.U. Meleshkina i dr. [Political Science: sb.nauch.tr. / Editorial Board.: E.Y.Meleshkina etc.] — Moscow: INION RAN. 2010. № 1. S. 192-201.
3. Remizov M.V. Korruptsija suvereniteta [Corruption Sovereignty] // Novije Khroniki [New Chronicle] // <http://novchronic.ru/1561.htm>.
4. Silantieva M.V. Diffuznaja identichnost – sovremennaja versija grazhdanskoi identichnosti [Diffuse identity - a modern version of civic identity] // Vestnik MGIMO-Universiteta [Vestnik MGIMO-University]. 2012. № 2. S. 173-179.
5. Silantieva M.V. Neoarhaika v zerkale sovremennoy kulturi: religiozni sinkretizm kak projavlenije jedinstva chuvstvennogo ratsionalnogo poznanija [Neoarhaics in the Mirror of Contemporary Culture: Religious Syncretism as a Manifestation of the Unity of the Sensory and Rational Cognition] // Tochki PUNCTA [Points PUNCTA]. 2012. Т. 11. № 1-4. S. 371-380.
6. Hachaturian V.M. Chelovek v prostranstve neoarkhaiki [A man in Neo-archaic Space] // Chelovek [A Man]. 2011. № 2. S. 83-96.